

Пользуясь тем, что его любят, Ху Фаньюань привык беззаботно вертеть маршалом как вздумается. Но стоило им сойти с корабля, как Сюй Цзыфэн, чьё терпение давно лопнуло, утащил его подальше от чужих глаз и наградил столь долгим и страстным французским поцелуем, что у того перехватило дыхание.

И пусть маршал в этих делах считался новичком, врождённый талант не требовал учителей.

Словом, после такой горячей взбучки Фаньюань мигом притих. Всю дорогу, пока летающий автомобиль нёс их на долгожданную встречу, он смирно сидел рядом с Цзыфэном, не смея больше капризничать.

Машина затормозила перед ничем не примечательным одноэтажным домом. Сюй Цзыфэн легко соскочил на землю и мельком глянул куда-то вверх и влево — в ту же секунду входная дверь бесшумно распахнулась.

Ху Фаньюань с любопытством присмотрелся и лишь тогда заметил под самым козырьком крошечное устройство. Оно непрерывно вращалось, сливаясь по цвету со стеной, так что посторонний человек ни за что бы его не разглядел.

«Должно быть, сканер сетчатки или система распознавания лиц», — догадался юноша.

Однако стоило ему переступить порог гостиной и увидеть чинно восседавших в ряд пятерых человек, как до него запоздало дошло:

«Пресвятые угодники... Да это же смотрины! А я даже захудалого гостинца с собой не захватил! Что делать-то теперь?»

Паника мгновенно накрыла Фаньюаня с головой. В воображении уже рисовались картины того, как его с позором выставляют за дверь. Страх волна за волной поднимался к самому горлу, заставляя сердце биться чаще.

Но сидевшие в комнате люди были слишком проникательны. Им хватило одного взгляда, чтобы понять, какая буря бушует в душе оробевшего гостя.

Седовласый, но на диво крепкий старейшина сперва сурово взглянул на внука, которого не видел целую вечность, а затем заметно смягчился и ласково обратился к Фаньюаню:

— Не бойся, малец. Цзыфэн все уши мне про тебя прожужжал. Слыхал я, ты родом из тех же мест, что и мой внук?

— Д-да... — едва слышно выдавил Ху Фаньюань. Голос предательски дрогнул, сводя на нет все попытки казаться невозмутимым.

Сюй Цзыфэн тихо хмыкнул и ободряюще сжал его ладонь. Чудной парень: когда знакомился с Дедушкой Сюем и Бабушкой Сюй, и бровью не повёл, а тут ладошка вмиг стала влажной от пота.

«Тогда-то я не был твоим парнем, умник!» — мысленно возмутился Ху Фаньюань.

Однако мысли маршала остались для него тайной, а тепло его руки помогло немного унять дрожь.

Заметив, что юноша понемногу приходит в себя, Цзыфэн облегчённо вздохнул и принялся представлять родню:

— Это мой дедушка по материнской линии, старейшина Шан. Можешь звать его дедушкой Шаном или, как я, просто дедушкой. Больше всего на свете он любил покойную бабушку. Если выберешь минутку и расскажешь ему о своей родине — так же, как травил байки моим бойцам на корабле, — он будет на седьмом небе от счастья.

Старейшина Шан укоризненно зыркнул на внука, но Фаньюаню кивнул вполне дружелюбно:

— Всё верно, малец, не бойся. Слышал я, ты мастер развлекать народ рассказами. Будет время — заглядывай к старику, поболтаем.

У Ху Фаньюаня радостно блеснули глаза. Уж что-что, а заговаривать зубы он умел мастерски. От страха не осталось и следа.

— А это моя мама, Шан Цин, — продолжил маршал. — Пока можешь звать её тётей. Её главная страсть — кулинария, и она спит и видит, как бы выведать у тебя рецепты лекарственных трапез. Будет здорово, если ты покажешь ей пару приёмов и поделишься целебными травами.

— Что значит «пока»? — Шан Цин смерила сына убийственным взглядом, вмиг растеряв всю свою утончённую элегантность, но тут же лучезарно улыбнулась Фаньюаню. — Называй меня мамой, сынок, к чему этот официоз? Цзыфэн столько твердил о твоих лекарственных трапезах, что у меня слюнки текут. Угостишь нас сегодня ужином?

— Конечно! — Ху Фаньюань закивал с такой готовностью, словно китайский болванчик. Уж в приготовлении лекарственных трапез-то он знал толк, а значит, путь к сердцу будущей свекрови лежал через желудок.

«Какой милый ребёнок...» — умилилась женщина. Не удержавшись, она бесцеремонно вырвала руку Фаньюаня из ладони сына и увлекла его за собой, решив лично представить остальных.

Ткнув локтем статного мужчину в военной форме, сидевшего рядом, она небрежно бросила:

— Это отец нашего оболтуса, Сюй Линьли. Можешь звать его папой. Накорми его хорошенько своими лекарственными трапезами, а в остальном не обращай внимания, он у нас неразговорчивый. — Повернувшись к супругу, она строго добавила: — Ну-ка, улыбнись человеку!

— Рад знакомству, — выдавил из себя суровый вояка, попытавшись изобразить подобие улыбки. Вышло, мягко говоря, натянуто и даже немного пугающе.

— Сяо Юань, ты только не пугайся, — поспешила успокоить гостя Шан Цин. — Он у нас от природы угрюмый, улыбаться совсем не умеет, вот и получается гримаса.

Сюй Линьли лишь беспомощно вздохнул, глядя на супругу с бесконечной нежностью, а затем вновь повернулся к Фаньюаню и коротко кивнул. Под грозным и суровым видом скрывался на редкость любящий муж.

Ху Фаньюань украдкой взглянул на Сюй Цзыфэна, который не сводил с него глаз. Черты лица у отца и сына были невероятно схожи, однако унаследованный от матери мягкий нрав делал маршала куда более приветливым, чем суровый глава семейства.

«Встретить я Цзыфэна с такой же каменной физиономией в наш первый день, — подумал юноша, — забрал бы причитающиеся межзвёздные кредиты и поминай как звали, так и остался бы куковать на задворках Синей планеты».

Не дожидаясь, пока мать маршала продолжит представление, сидевший на диване молодой человек дружелюбно кивнул:

— Я двоюродный брат Цзыфэна. Можешь звать меня просто братом. — Он нежно сжал ладонь сидевшей рядом статной красавицы. — А это твоя невестка.

Сюй Цзыфэн молча подошёл ближе, бесцеремонно забрал Фаньюаня из цепких рук матери и, смерив родственника строгим взглядом, пояснил:

— Всё так, их матери — родные сёстры. Вот только перед тобой не просто кузен с женой, а Император и Императрица.

— Ой! — Ху Фаньюань изумлённо распахнул глаза. А он-то гадал, где обещанный правитель государства!

«Так этот весёлый парень и есть Император... Что ж, тем лучше для наших планов».

Фаньюань легонько потянул Цзыфэна за рукав и заговорщически подмигнул, безмолвно призывая выложить козыри, заготовленные прошлой ночью.

Маршал в ответ пожал его пальцы и обратился к Императору:

— По поводу тех засланцев-зергов в человеческом обличье... Мы вчера кое-что набросали. Обсудим за чаем после ужина.

Ужин? Ху Фаньюань бросил взгляд на темнеющее небо за окном. Действительно, из-за всех этих треволнений он совершенно позабыл о часах.

Самое время браться за готовку! Юноша мысленно потёр ладони — сегодня он поразит это благородное семейство своими кулинарными талантами.

— Мама, а где у вас кухня? — окончательно освоившись, без тени смущения обратился он к Шан Цин.

Женщина так и расцвела от этого простого «мама». Радостно закивав, она поднялась с места:

— Пойдём, милый, я покажу. Заодно и меня научишь премудростям приготовления лекарственных трапез!

И она снова бесцеремонно увела Фаньюаня у сына из-под носа, увлекая его в сторону кухонного крыла.

Сюй Цзыфэн лишь покачал головой и крикнул им вслед:

— Сяо Юань, ножи там острые, сам ничего не режь! Поручи всё кухонному роботу!

Обычно они готовили вместе, и вся тяжёлая работа вроде разделки мяса ложилась на плечи маршала. Теперь же, когда матушка явно вознамерилась уединиться с его пассивностью, оставалось только уповать на благоразумие любимого.

Но стоило дверям кухни закрыться, как атмосфера в гостиной мгновенно переменилась. Лица присутствующих утратили прежнюю мягкость. Взгляды старейшины Шана, Сюй Линьли и правящей четы сделались ледяными и сосредоточенными.

— Ну, выкладывай, — заговорил молодой правитель. От его недавней расслабленности не осталось и следа — теперь перед маршалом сидел истинный владыкя империи, чей голос дышал непреклонной волей. — Рассказывай обо всём: о маскирующихся тварях, новых мутациях и ваших находках.

Эта холодная ярость предназначалась не кузену, а скрытому врагу, что посмел запустить свои щупальца в самое сердце человечества.

С тех самых пор, как первые лазутчики зергов проникли на территорию Империи, все официальные отчёты умышленно урезались. Наверх уходили лишь незначительные сведения, не способные вызвать панику среди гражданских и военных чинов, но скрывающие истинные масштабы угрозы.

Важнейшие детали, включая догадки самого Фанъюаня и его уникальные познания о повадках паразитов, хранились в строжайшем секрете.

Сюй Цзыфэн, только что заботливо ворковавший о кухонных ножах, преобразился в одно мгновение. Его взгляд обрёл стальную твёрдость. Прoceдив сквозь зубы короткое ругательство, он вынул из нагрудного кармана крошечный накопитель данных и бросил его Императору:

— Здесь записи, сделанные нашей группой до того, как мы оказались заперты в гнезде этих тварей.

Маршал без утайки изложил всё, что ему удалось узнать: о циклах развития паразитов, напоминающих превращение гусеничного зерга в кокон зергов, а затем в зерга-бабочку; о том, что некоторые виды пригодны для медицины; и о том, как им удалось вычислить человекоподобного зерга и столкнуться с детонирующими тварями-камикадзе.

Под конец он изложил их ночную задумку: под предлогом проведения обязательной диспансеризации для высшего руководства Империи и их семей устроить скрытую проверку силами Фанъюаня.

Молча выслушав кузена, Император вставил чип в считывающее устройство. Противоположная стена гостиной скользнула в тень, и на ней развернулась чёткая трёхмерная проекция с чистейшим звуковым сопровождением.

Присутствующие услышали негромкие переговоры Цзыфэна и Фанъюаня, увидели неподдельный восторг юноши при виде редких грибов линчжи, а также ожившие сухие ветви — замаскированных насекомых.

Кадр сменился: по экрану прокатилась серия яростных вспышек — твари взрывали себя одна за другой, а следом из лесной чащи хлынули прочные белые нити, затягивая отряд в коконы зергов.

На моменте пленения запись оборвалась.

— Сяо Юань утверждает, — добавил Сюй Цзыфэн, — что эта паутина на его родине считается ценнейшим материалом. Там её называют шёлком и используют для шитья одежды, постельного белья и даже в косметических целях. Конечно, здешние зерги-шелкопряды куда крупнее земных, так что о свойствах их нитей пока судить рано — доставить образцы мы не успели. Зато дикорастущие грибы линчжи, по его словам, обладают невероятной целительной силой. Их образцы уже переданы в лабораторию для сравнительного анализа. Если состав

совпадёт с земными аналогами, это станет колоссальным прорывом для нашей медицины.

— По правде говоря... — раздался тихий голос из проёма. Ху Фаньюань, бережно неся исходившее паром блюдо, поставил его в центр стола. — По пути к лагерю Цзыфэна мы наткнулись на поляну. Если мои глаза меня не обманули, там рос дикий женьшень — корень жизни, который ценится ничуть не меньше линчжи.

В тот момент единственной его заботой было спасение Цзыфэна, поэтому он даже не притормозил возле бесценных побегов. А ведь это был первозданный, вековой женьшень гигантских размеров! Упустить такое сокровище было больно, но жизнь любимого стоила дороже любых богатств.

— Раз эти травы так разрослись, значит, здешние почвы идеально им подходят. Мы сможем потихоньку собирать их, когда выдастся свободная минутка.

Разумеется, об этой делянке не должен знать никто посторонний. Стоит разумным зергам почуять неладное, и они сотрут редкие растения с лица земли.

В гостиной повисла долгая, тяжёлая тишина. Наконец Император поднял глаза на старейшину Шана:

— Дедушка, что скажете? Насколько осуществим этот замысел?

Тот неторопливо погладил седую бороду и кивнул:

— План дельный. Но дьявол, как обычно, кроется в деталях. Обсудим тонкости за чаем, а сейчас негоже остывать такой кулинарной красоте.

Сюй Линьли, сохранив суровое выражение лица, перевёл тяжёлый взор сначала на сына, а затем — на притихшего Фаньюаня. В глубине его глаз промелькнуло затаённое беспокойство:

— Сяо Юань... Как себя чувствует Цзыфэн? Что с его каналами?

Ху Фаньюань невольно вздохнул и посерьёзnel:

— Пока я провожу лишь подготовительную терапию. Нужно укрепить его меридианы. Как только его тело будет готово, я приступлю к основному лечению.

Юноша гнал прочь любые мысли о возможном провале, но сейчас, под пристальными взглядами любящей семьи маршала, его вновь настигли сомнения.

«А вдруг я ошибусь? Вдруг его организм не выдержит нагрузки?»

— Сяо Юань, — мягко прервал его размышления Император, — Цзыфэн никогда ничего от нас не скрывал. И я даю тебе слово правителя: этот упрямец ни за что не сдастся без боя.

— Вот именно, — поддержала племянника вошедшая в комнату Шан Цин. Она с гордостью посмотрела на сына. — Если он струсит, я лично переименую его в Сюй Сяо-Сонга — Сюя-трусешку. Уж своего сына я знаю как облупленного, он не подведёт. Верно ведь, Линьли?

Сюй Линьли насупился:

— Угу. — Перспектива получить в сыновьях «Сюя-трусешку» ему явно пришлась не по душе. Строго зыркнув на Цзыфэна, он отрезал: — Имя не менять.

— Есть! — с улыбкой козырнул маршал.

Глядя на эту семейную пикировку, Ху Фаньюань почувствовал, как с души спал огромный камень. Он весело захлопал в ладоши и поспешил к сервировочному столику:

— Я мигом принесу суп!

Едва парень скрылся за дверью кухни, старейшина Шан сделал глоток чая и тепло улыбнулся:

— Славный малый. Настоящий, искренний.

Остальные дружно закивали в знак согласия.

Праздничный ужин превзошёл все ожидания. Изысканный аромат лекарственной трапезы пленил гостей с первой ложки, и за столом то и дело слышались восхищённые вздохи. Семья долго смеялась, узнав об удивительной особенности приготовления лекарственных трапез Фаньюаня: обычные блюда у него получались несъедобным месивом, но стоило добавить туда хоть малую щепотку сушёных кореньев, как еда превращалась в пищу богов.

— Неужели древнее искусство врачевания так преображает материю в нашем мире? — подала голос Императрица. Её бархатистый, исполненный царственного величия голос завораживал с первых секунд.

Ху Фаньюань, будучи неисправимым ценителем красивых голосов, так и замер на месте с открытым ртом. Чтобы не выдать своего смущения, он торопливо уткнулся в тарелку, втайне мечтая услышать её снова.

— Будь осторожнее, невестка, — усмехнулся Сюй Цзыфэн, заметив этот взгляд. — Наш доктор падок на приятные голоса.

— Вот как? — Император тут же приобнял супругу за плечи и шутливо проворчал: — Дорогая, тогда тебе лучше помалкивать. Побереги голосовые связки для меня, а при посторонних не растрачивай своё очарование. — Повернувшись к Фанъюаню, он лукаво прищурился: — Или наши с Цзыфэном голоса кажутся тебе скрипучими, а, док?

Остальные члены семьи тут же подхватили шутку, с улыбкой уставившись на вмиг покрасневшего юношу.

«Да они надо мной издеваются!» — пронеслось в голове у бедного доктора. Он сердито зыркнул на безмятежно улыбающегося Сюй Цзыфэна.

Мысленно обозвав маршала ревнивым собственником, Фанъюань мгновенно нашёл выход из положения. Он придвинулся вплотную к Цзыфэну, крепко ухватил его за рукав и звонко объявил:

— У всех вас прекрасные голоса, но самый лучший, глубокий и бархатный — только у моего Цзыфэна!

Довольный ответом, маршал победно улыбнулся и усадил его поудобнее.

Дружный хохот заполнил гостиную. Напряжение окончательно спало, и завязалась долгая беседа, в которой весёлые шутки то и дело сменялись обсуждением деталей предстоящей облавы на космических паразитов.

<http://bllate.org/book/18184/1760713>